

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 119–131. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.224

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-119-131

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА: ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ТЕМ И ПОДХОДОВ

*Семен Семенович Макаров*¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора
ORCID: 0000-0002-5751-5967
e-mail: others3@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Макаров С.С., 2023

Аннотация: В статье рассматривается история научного изучения якутского героического эпоса олонхо путем выделения тем и методологических подходов, становившихся главенствующими в исследовании фольклорного жанра в разные временные отрезки, осмысливается периодизация этой работы. Работа построена на обзоре разновременной литературы по данной традиции, проведенном одновременно с учетом социально-политических и административных факторов, определявших развитие отечественной науки о фольклоре в разные исторические периоды. Основным итогом работы становится вывод о неабсолютной синхронности событий политической истории страны, с которыми традиционно принято соотносить трансформации различных социальных институтов и процессов, с этапами развития якутской фольклористики. Так, переход от накопления и первоначальной атрибуции материалов к их аналитическому осмыслению (в концептуальной парадигме советской фольклористики) в рассматриваемой научной традиции достигается, по всей видимости, лишь к 1940-м гг. В то же время освоение проблематики современных фольклористических изысканий происходит ускоренно начиная уже с 1980-х гг. Предлагаемые наблюдения иллюстрируются обзором ключевых работ по поэтическому языку олонхо – составляющей традиции, во все времена привлекавшей внимание исследователей и вызывавшей различные интерпретации. В целом, относясь к наиболее последовательно описываемому жанру якутского фольклора, исследования по олонхо могут иллюстрировать основные вехи развития всей отечественной науки о фольклоре.

Ключевые слова: история фольклористики, народы Сибири, героический эпос, якутский фольклор, олонхо.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00655. – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/23-28-00655/>.

Для цитирования: Макаров С.С. К истории изучения якутского героического эпоса: динамика основных тем и подходов // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 119–131. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-119-131.

On the history of the study of the Yakut heroic epic: dynamics of the main themes and approaches

*Semen Semenovich Makarov*¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Ph.D. in Philology, Senior Researcher of the Department of Folklore Studies
ORCID: 0000-0002-5751-5967
e-mail: others3@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Makarov S.S., 2023

Abstract: The paper considers the dynamics of the main themes and approaches in the study of the Yakut heroic epic *Olonkho*, comprehends the periodization of this work. The study is based on a review of multi-temporal literature on the topic, carried out simultaneously taking into account the possible socio-political and administrative factors that determined the development of the Russian folkloristics in different historical periods. The main conclusion of the work is the discovery of the fact of incomplete synchronism of the events of the country's political history, with which it is traditionally customary to correlate the transformations of various social institutions and processes, and the stages of development of Yakut folkloristics on the example of the most studied regional oral narrative genre. Thus, the transition between the accumulation and initial attribution of folklore materials and their analytical comprehension (in the conceptual paradigm of Soviet folkloristics) in the scientific tradition under consideration is achieved, apparently, only by the 1940s. At the same time, the shift to the problems of modern folklore research has been accelerating, starting from the 1980s. The proposed observations are illustrated by a review of key works on the poetic language of *Olonkho* – a component of the tradition that has attracted the attention of researchers at all times and caused various interpretations. On the whole, the scholarly works on *Olonkho* reflects the main milestones in the development of Russian folklore studies.

Key words: history of folklore studies, peoples of Siberia, heroic epic, Yakut folklore, *Olonkho*.

Acknowledgment: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00655. – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00655/>.

For citation: *Makarov S.S. On the history of the study of the Yakut heroic epic: dynamics of the main themes and approaches // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 119–131. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-119-131.*

Введение

История собирания и изучения якутского эпического фольклора сравнительно неглубока и насчитывает немногим более полутора столетий. Этот временной отрезок исторически совпал с формированием фольклористики как особой отрасли гуманитарного знания в нашей стране. Не вызывает сомнения, что происходившие за это время в крупных академических центрах поиски в русле возникающей научной дисциплины накладывали свой след на формирование источниковой ба-

зы фольклористических школ в регионах страны, отразились в их методологических установках. Сегодня, когда на новом этапе традиционному фольклору, его социальным функциям и путям актуализации стало уделяться большое внимание, возникает необходимость вновь осмыслить этот процесс. Не претендуя на исчерпывающий анализ этой интересной и многогранной проблемы, мы рассмотрим динамику основных концептуальных установок отечественной науки о фольклоре на примере конкретной традиции и ее наиболее подробно описанного жанра; завоевания и возникавшие лакуны на этом пути предстают как своеобразные штрихи к «биографии» дисциплины.

Собирание и исследование якутского героического эпоса: проблемы периодизации

Историография работ по собиранию и изучению якутского фольклора и, в особенности, его повествовательных форм, является достаточно подробно описанной на сегодняшний день. Помимо историографических обзоров, предпосылаемых практически любому современному исследованию, существует ряд специальных статей и разделов монографий, посвященных этому вопросу. Отмечаемые в них положения во многом совпадают. Знакомство с этими материалами, а также с имеющимися библиографиями трудов по якутскому эпосу позволяет по-новому взглянуть на вопросы периодизации фольклористических исследований культур народов Сибири.

Рефлексия по данной теме начала появляться уже в 1920-е гг. в связи с юбилейной датой, отмечавшейся Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (далее – ВСОРГО) [Азадовский 1926; Виноградов 1926]. В упомянутых статьях оценивается вклад первых исследователей культур народов северо-востока Сибири, в том числе устной традиции якутов – преимущественно участников Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896/7), сотрудничавших с ВСОРГО. Рассмотрение носит преимущественно персональный характер, привязано к фигурам отдельных исследователей. Безусловно, в этот период еще было сложно отделить собирание фольклорно-этнографических материалов и их непосредственное изучение, так как на первых порах эти виды деятельности представляли больше некий единый процесс. Довольно сложно на данном этапе было выделять и отдельные периоды работы в данном русле, однако уже тогда применительно к деятельности ВСОРГО была предложена достаточно обоснованная периодизация из четырех этапов, последним из которых значится послереволюционный [Азадовский 1926: 34]. Таким образом, здесь, как кажется, впервые к изучению материалов данного региона было применено подобное разделение. В последующем оно было широко принято и в общем смысле плодотворно используется по сей день, хотя сам вопрос о конкретном времени перехода от ранней «дореволюционной» парадигмы к современному этапу в изучении *олонхо* может дополнительно обсуждаться.

Специально вопрос об истории собирания якутского фольклора поднимался в последующие годы большей частью в трудах непосредственных участников этой работы – якутских фольклористов [Эргис 1947; Пухов 1958 и др.]. Вероятно, в устных обсуждениях он затрагивался и в 30-е гг. XX в., так как в этот момент,

в 1935 г., в Якутске при местном Совете народных комиссаров был организован, как и в ряде других областей и республик страны, научно-исследовательский Институт языка и культуры (ныне – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН), профильное научное учреждение, занимающееся в том числе фиксацией и исследованием региональных фольклорных материалов на систематической основе. Планирование изысканий и наполнение фондов стали насущными задачами в этот момент, требовавшими осмысления имеющегося опыта.

Более интенсивным с этого времени становится и общение якутских исследователей со специалистами из других, прежде всего, столичных, научных центров. Показательными фактами являются, например, переписка якутских исследователей Г.В. Ксенофонтова, Г.У. Эргиса и др. с крупным ученым и организатором науки своего времени, по сути, автором советской концепции фольклористики Ю.М. Соколовым (см.: [Мухоплева, Павлова 2019]), а также ряд общих проектов, проводившихся параллельно сразу в нескольких регионах страны (конструирование фольклора советского времени, в частности песен, работы по созданию «сводных» текстов национальных эпосов и др.).

Эти процессы, вероятно, имели некий накопительный эффект, так как к середине 1940-х гг. в фольклористических разысканиях отмечается качественный скачок, ознаменовавший начало нового – современного – этапа в изучении устных традиций региона. Условной точкой отсчета этой трансформации, по нашим наблюдениям, может служить публикация большой вводной статьи Г.У. Эргиса, предпосланной двуязычному изданию текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (1947). По характеру постановки проблем, восприятию анализируемого материала, используемой терминологии в ней опознается работа современного типа (мы еще обратимся к ней далее). Выказывалось мнение, что в публикациях Г.У. Эргиса, И.В. Пухова этого и последующего времени была учтена критика предшествующих работ по якутскому фольклору, выдвинутая акад. А.Н. Самойловичем [1936] [Бурцев 1998: 13]. Среди значимых факторов, позволяющих, как кажется, условно разграничить ранний и современный этапы исследований, оказываются и преимущественное накопление, и введение в оборот текстовых материалов в первом периоде и появление исследований монографического плана во втором, изменение первоначальной неточной атрибуции олонхо как «сказок» на «богатырский/героический эпос», постепенное осмысление жанровой специфики олонхо.

Таким образом, не отходя от устоявшейся периодизации работ по якутскому повествовательному фольклору, можно предложить то уточнение, что заметный переход к современным принципам и оптике фольклористических изысканий в рассматриваемой научной традиции, как показывают материалы, произошел в начале 1940-х гг. К слову, как это ни удивительно, военное время оказалось одним из наиболее продуктивных периодов и в плане сбора материалов – именно в это время, благодаря конкурсу на лучшую запись героического эпоса, объявленному Институтом языка и культуры в начале 1941 г., был зафиксирован основной круг текстов олонхо, имеющихся на сегодняшний день [Библиография 1982: 17–37]. Большинство из них были записаны от руки именно в 1941–1942 гг.

В свою очередь, и советский период как довольно длительный и богатый, вероятно, может быть внутренне подразделен на несколько более мелких этапов.

В частности, обращает на себя внимание тот факт, что если 1950–1970-е гг. в якутской фольклористике вполне закономерно прошли под знаком освоения и изучения сюжетного разнообразия олонхо, то в 1980-е гг. (заметим, вновь не вполне в соответствии с вехами социально-политических преобразований в стране, часто используемых в качестве ориентиров периодизации) определенно начинается новый этап, характеризующийся обогащением исследований якутского эпоса новыми идеями и работами по семиотике традиционной культуры, феномену сказительства, этномузыковедению, отразившими общий тренд отечественной фольклористики на расширение междисциплинарного методологического диалога в гуманитарных науках. В этот момент, как отмечают исследователи, осуществлялось высвобождение отечественной науки о фольклоре из-под идеологических условностей предшествующего периода, происходило ее «раскрепощение» [Петрова 2019: 200].

Примечательно, что предметом, обращавшим на себя внимание исследователей во все периоды изучения якутских олонхо, оказывается довольно изоциренный по своей организации поэтический язык традиции. В ходе более чем полутора-векового собирания и изучения якутского героического эпоса он рассматривался в различных ракурсах. Динамика частных проблем, в разное время оказывавшихся в центре этой рефлексии, как кажется, достаточно отчетливо отражает тенденции развития отечественной фольклористики, смену ее концептуальных парадигм, появляется возможность рассмотреть подходы к его изучению как своеобразную траекторию развития исследований якутского эпоса.

Изучение поэтического языка олонхо в исторической динамике

1. Ранний период. Якутская эпическая традиция была впервые описана, как и целый ряд других «живых» на тот момент очагов эпического сказительства, в первой половине XIX в. Естественно, что рост знаний о фольклорном жанре и обогащение средств его исследования происходил постепенно по мере накопления фактического материала. В то же время изучение традиции, как мы постарались отметить выше, базировалось не только на ее собственных материалах, но протекало в общем контексте российской и советской науки о фольклоре.

С самого начала внимание исследователей обратили на себя вопросы формы. Интерес первых этнографов и фольклористов, в большинстве своем являвшихся носителями иного культурного опыта, привлекли прежде всего замысловатое речитативно-песенное исполнение и характерный стиль рассказывания олонхо, довольно сильно выделявшие его тексты из повседневного разговорного дискурса. Обращает на себя внимание тот факт, что в период с 1840-х по 1900-е гг. уже были поставлены, пусть и на разном уровне, вопросы поэтического изучения жанра в аспекте механизмов трансмиссии устных сюжетов и типологии, обеспечивающих ее стереотипные речевые структуры, надолго отодвинутые впоследствии изысканиями узко стилистического и сюжетно-композиционного плана. Ранний период исследования якутской традиции отличает комплексный характер описания и начальной атрибуции фольклорно-этнографических фактов. Вместе с тем основополагающие подходы к осмыслению текстовой и поэтической основы олонхо как самостоятельного жанра могут быть прослежены уже на этом началь-

ном этапе. Обзор работ этого периода демонстрирует не только историографический, но и определенный методологический их смысл, не утраченный по сей день.

Российский путешественник и естествоиспытатель *А.Ф. Миддендорф*, составивший в 1840-е гг. одно из первых подробных этнографических описаний якутской традиции и считающийся первооткрывателем якутского эпоса, отметил устойчивый характер элементов его языка. К этой мысли он пришел, наблюдая в полевых условиях за коммуникацией фольклорных исполнителей и слушательской аудитории. Исследователь пронизательно замечает способность сказителей и певцов к импровизации, которая в то же время основывается, по его мнению, на знании «старинных выражений и форм», на «схематических, бедных смыслом аллитерациях... и на большом богатстве форм» [Миддендорф 1878: 792]. Комментарии и правки слушателей, высказывавшиеся по ходу исполнения, как считал исследователь, указывали на то, что основу речи составляли «исстари употреблявшиеся выражения». Следует отметить, что, по всему, на момент описания *А.Ф. Миддендорфом* якутский эпос представлял собой уже сложившийся жанр с характерным кругом сюжетов и устоявшейся стилистической фактурой.

Систематическое фольклорно-этнографическое изучение якутской традиции связано с явлением реакционной политической ссылки второй половины XIX в. и исследовательской деятельностью на Севере целого ряда «антропологов поневоле», отбывавших наказание в тогдашней Якутской области и других якутских поселениях. Осужденный по делу т. н. «Ишутинского кружка» революционер-народник и исследователь традиционной культуры *И.А. Худяков*, наблюдавший традицию в 1860-е гг. во время ссылки в г. Верхоянске, записал интересные образцы фольклорных текстов и обратил внимание на особый стилистический регистр, в пределах которого функционируют в якутской культуре песенные и эпический жанры. Фольклорист отмечает использование аллитерации, сложных сравнительных оборотов – отличительных признаков этого регистра, приводит примеры некоторых характерных выражений и реплик персонажей олонхо, которые в большинстве своем имели клишированную форму [Худяков 1969: 369–370].

Публицист и этнограф, участник польского освободительного движения 1870-х гг. *В.Л. Серошевский*, проведенный в якутской ссылке более десяти лет, характеризовал олонхо как «самую установившуюся и законченную из форм» якутского фольклора, стабильность которой, по мнению исследователя, во многом объясняется наличием стихотворных фрагментов и каноничностью стиля, не допускающей вольного обращения [Серошевский 1991: 589]. Он указывал на присутствие в языке эпических сказаний словесных сочетаний, точный смысл которых часто был непонятен ни слушателям, ни даже самому сказителю, воспринявшему их в составе ритмизованных словесных комплексов. Внимание *В.Л. Серошевского* также коснулось метрически значимых оборотов («вставки, грамматические вольности»), которые исследователь предпочел назвать традиционным выражением *тыл хоһооно* (в его переводе – ‘украшение выражений’) и в употреблении которых усматривал эстетический смысл [Там же].

Этнограф *В.Н. Васильев*, выросший в лоне традиции и записавший несколько крупных текстов якутского эпоса, отмечал: «Все якутские <...> эпические сказки, сопровождаемые пением, строятся более или менее по одному шаблону. Так, ритмическое описание действующих лиц, их владений, богатств, описание пере-

движений, обороты и формы их речей и т. п. у каждого сказочника почти одни и те же для известных ему сказок (имеется в виду героический эпос. – С.М.) <...> Эти части сказок, являющиеся в то же время и наиболее интересными в качестве научного материала, твердо запоминаются сказочниками, и за редкими исключениями, во время рассказа в них уже не вносятся изменений» [Васильев 1916: I–II]. В этом кратком замечании содержится, как кажется, наиболее ранняя типология *loci communes* текстов олонхо, прозорливо замеченная исследователем. Этнограф также замечает принцип экономии средств фольклорной традиции, продуцирующей большое число устных вариантов с опорой на ограниченный круг тексто-порождающих приемов.

Во много вторит этим исследователям и Н.К. Виташевский, изложивший свои наблюдения над якутским повествовательным фольклором в краткой, но довольно емкой заметке [Виташевский 1912]. Он также отмечает «окаменелость внешних форм» олонхо и отмечает «зародыш драмы» в традиционной композиции якутского эпоса. Несомненным шагом вперед становятся замечания этнографа о сказителях-олонхосутах как профессионализованных исполнителях и о традиции как механизме, аккумулирующем опыт нескольких поколений исполнителей и запросов самой слушательской среды.

Фольклорист и этнограф С.В. Ястремский, подготовивший первое крупное русскоязычное переводное издание текстов якутского эпоса, обратил внимание на его стилистическую трафаретность – наличие в устных текстах олонхо стереотипных «украшающих эпитетов», «повторяющихся описаний». Исследователь отмечает структурное своеобразие синтаксиса текстов олонхо, который, по его мнению, «лишен подчинительных союзов, почти не прибегает к относительным местоимениям», а «придаточные предложения других языков выражает косвенными падежами абстрактных глаголов имен действия» [Ястремский 1929: 6]. «Он страдает <...> длиннотами – излишним пристрастием к длинным периодам», – отмечает исследователь [Там же].

Примерно в это же время Э.К. Пекарский, ставший позднее широко известным как лексикограф, а также как собиратель и издатель якутского фольклора, указывал на особый стиль как на специфический дифференциальный признак олонхо, позволяющий выделить его среди других повествовательных жанров традиции: сказки (*остуоруйа*), устного рассказа (*кэпсээн*) и др. [Пекарский 1934: 426]. Многочисленные комментарии по отдельным лексемам, входящим в состав устойчивых словесных выражений эпоса, рассыпаны среди статей подготовленного им капитального многотомного толкового словаря якутского языка [Пекарский 1958–1959]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что свои наблюдения над изучаемой эпической традицией исследователь не сформулировал ни в виде отдельных статей, ни в составе работ обзорного характера, в чем, вероятно, состояла некоторая принципиальная позиция: работы обобщающего плана – задача будущего.

Как можно видеть, ранний этап этнографического описания якутской культуры наметил довольно широкую проблематику исследований этнической эпической традиции. В аспекте рассматриваемой нами темы среди поставленных в этот период проблем могут быть выделены следующие более частные вопросы: устойчивость и варьирование фольклорного повествования и обусловленность поэтики эпоса языковым субстратом.

2. Советский период. Пришедший на смену начальному этапу собирания и осмысления якутского фольклора советский период был отмечен интенсификацией собирательской деятельности и одновременно некоторым сужением ракурса поиска и изучения материалов. Этот период, как отмечалось, характеризуется возникновением по всей стране региональных фольклористических центров, появлением круга энтузиастов, собирателей и исследователей из числа национальной интеллигенции, созданием научных институтов, занимающихся сбором и изучением фольклорно-этнографических и лингвистических данных на плановой основе.

Ведущим направлением изучения поэтики якутского эпоса в этот период стало осмысление его словесной фактуры в категориях стилистики поэтического текста¹. Один из первых якутских профессиональных фольклористов *Г.У. Эргис*, уже упоминавшийся выше, в большой обзорной статье, знакомящей с наиболее яркими чертами поэтики олонхо и вводящей в круг актуальных на тот момент проблем его изучения, дает характеристику языка жанра в отношении используемых в нем стилистических фигур речи: гиперболы, олицетворяющей метафоры, эпитета, сравнения, антитезы [Эргис 1947]. Исследователь отмечает наличие ретардации, амебейных повторов в текстах олонхо. Значимо, что в этой работе, вероятно, впервые применительно к якутскому эпосу употребляется термин «формула» [Там же: 24]. К сожалению, остается неясным, какой конкретный объем понятия подразумевал автор. Значительными достижениями этого периода стали академическое описание системы персонажей якутского эпоса [Пухов 1962], а также систематизация сюжетов записанных олонхо, разработка их возможной стадийной классификации [Емельянов 1980].

Особое место среди исследований якутской повествовательной традиции, появившихся в это время, занимают статьи и монография *Г.М. Васильева*. Исследователь одним из первых обращается к анализу собственно текстовой фактуры олонхо и, в частности, к вопросу о соотношении ритмических и смысловых сегментов в его структуре. В обобщающей работе, посвященной якутскому стихосложению, Г.М. Васильев отмечает присутствие в языке олонхо большого числа «устоявшихся оборотов, эпитетов и сравнений, развернутых очень часто в длиннейшие периоды» [Васильев 1965: 11–12]. Существенным представляется его замечание о ритмически урегулированных отрезках («стихах»), которые чередуются в записях устных текстов якутского эпоса в соответствии со смысловым членением текста. В связи с этим исследователь даже допускает применение термина «смысловое стихосложение» (по В.Я. Брюсову) к якутскому фольклорному стиху, который, по мнению Васильева, основан преимущественно «на количестве образов и вообще значимых выражений в стихе» [Там же: 38].

Восприятие эпоса как «народной поэзии», господствовавшее значительную часть советского периода, к сожалению, способствовало тому, что некоторые части традиции, в частности, прагматика фольклора, оказались описанными значительно слабее. Оценка устной повествовательной традиции как «искусства

¹ Этот вопрос обстоятельно изучен в трудах многих исследователей (Г.У. Эргис, И.В. Пухов, Г.М. Васильев, Л.Д. Нестерова и др.). Внимание к стилистике текста сохраняется и в современных лингвистических и фольклористических исследованиях, посвященных якутскому эпосу.

слова», как своеобразного народного аналога художественной словесности, делала вопрос о ее функциях мнимо тривиальным.

3. Позднесоветский и постсоветский период (1980–1990-е гг.) ознаменовался обогащением исследований якутского эпоса функциональным и структурно-семантическим подходами рассмотрения фольклорного материала. Уже в конце 1970-х гг. эти проблемы затрагивались в докладе *П.Н. Дмитриева*, где была предпринята первая за долгое время попытка вновь очертить типологию «общих мест» якутского эпоса. Исследователь отметил стереотипный характер эпических зачинов, описаний внешности персонажей в олонхо, выделил повествовательные формулы, основанные на счете [Дмитриев 1978].

Функциональный аспект стереотипных элементов языка олонхо с учетом опыта «устно-формульной» теории М. Пэрри и ее приложения к различным фольклорным традициям впервые был реализован в работах эпосоведа *В.В. Илларионова* [1982: 69–95]. Исследователь указал на стереотипный характер выражений предупреждения героя перед боем, введения прямой речи персонажа, реплику, обозначающую готовность богатыря к бою, формул, объективирующих темы боя и пути [Там же: 80]. Представляется, что этот список может лечь в основу дальнейшей, более дробной классификации. В.В. Илларионов также предложил определения понятий «формула» и «типическое место» применительно к якутскому материалу и отметил, что эти единицы служат готовыми моделями текстуализации отдельных мотивов олонхо [Илларионов 1982: 71]. Под «формулой» исследователь понимает «группу стихов, точнее целую тираду», а эквивалентом «типического места» считает «набор нескольких формул, раскрывающих в одном контексте какую-либо определенную тему с нескольких сторон» [Там же: 71, 73].

Следует отметить, что последующие исследования повествовательного языка олонхо сосредоточились главным образом вокруг второго из этих понятий. В 2005 г. «типические места» из трех записей якутского эпоса были включены в экспериментальный указатель, составленный группой исследователей под руководством *Е.Н. Кузьминой* [Кузьмина 2005]. Этот проект был нацелен на выявление схожих по своей тематике фрагментов в эпосах тюрко-монгольских народов Сибири и является существенным достижением на этом пути. Его несомненным достоинством является разработка принципов изучения текстов в подобном ракурсе: сознательное ограничение рассмотрения конкретным корпусом текстов, его скрупулезное текстологическое исследование, апробация соответствующего метаязыка описания и анализа.

В это же время особенности варьирования типических мест якутского эпоса были рассмотрены *Т.В. Илларионовой*, исследовавшей разновременные записи популярного эпического сюжета о богатыре Эр Соготохе [Илларионова 2008].

Построению и варьированию типических мест эпоса посвящена и работа *М.Б. Сидоровой*, проанализировавшей эти процессы в терминах когнитивной интерпретации дискурса [Сидорова 2013]. Исследовательница установила доминантные и опционально вводимые мотивы («слоты») отдельных «типических мест» (реализаций «фрейм-сценариев») олонхо и в целом убедительно показала проницаемость материала для этого языка описания.

Новым словом в изучении поэтического языка олонхо стали исследования *Л.Л. Габышевой*, появившиеся, начиная с 1980-х гг. Ее работы написаны в рам-

ках этнолингвистического подхода к фольклорным фактам, которые интерпретируются в свойственной этому направлению широкой внутри- и кросс-культурной перспективе с привлечением большого круга этнографических и лингвистических данных. Исследовательница выявила и описала сеть базовых семантических оппозиций, организующих смысловые отношения в сюжетах олонхо и находящихся выражение в цветообозначениях, материальных и числовых «кодах» повествования [Габышева 1988; 2003]. Эти наблюдения оказываются чрезвычайно продуктивными при интерпретации выражений, семантика которых во многих случаях обнаруживает признаки системной упорядоченности. Интересны наблюдения исследовательницы над примерами того, как отдельные эпитеты и другие устойчивые выражения языка олонхо могут быть интерпретированы как консервация тех или иных бытовых или социально значимых знаний традиции, источники, несущие в себе «свернутые» программы обрядов и т. д.

Многие особенности стилистики олонхо и их лингвистические основы были описаны в работе *П.А. Слепцова* [Слепцов 1990: 207–228]. Язык фольклорных произведений, и в частности эпоса, он рассматривает как определенный этап, предшествовавший развитию якутского литературного языка. Исследователем намечены все основные проблемы изучения языка олонхо: особенности синтаксиса, диалектная лексика в записях эпоса, значение архаизмов, «темных мест», окказионализмов и иноязычных слов. Специальное внимание автор уделяет и формульности якутского эпоса. Важным наблюдением в работе становится предположение о существовании при широком разнообразии фактического материала ограниченного числа основных порождающих моделей [Там же: 212], которые, впрочем, еще предстоит исследовать.

Впоследствии как составляющие специфичного языка жанра были монографически исследованы собственные имена персонажей олонхо [Филиппова 2000], семантика цветообозначений [Башарина 2000], функции числительных в эпическом тексте [Избекова 2014]. Имеется опыт лексикографического изучения особенностей словоупотребления в эпическом жанре [Роббек 2014].

Отдельные повторяющиеся фрагменты текстов олонхо рассматривались исследователями и в работах сравнительно-типологического плана. Стереотипные выражения якутского эпоса, обозначающие течение времени и богатырский гнев, в сопоставлении с аналогичными топосами иноязычных сибирских и славянских эпических традиций анализировались *В.М. Гацаком* [Гацак 1989]. Стилистические приемы и некоторые виды словесных повторов, характерных для олонхо, были рассмотрены *А.В. Кудияровым* в сравнительном исследовании стилевых традиций эпоса тюрко- и монголоязычных народов Сибири [Кудияров 2002].

В целом за прошедшее время в диапазон исследовательского внимания последовательно попадали вопросы, связанные с семантикой сюжетов (И.В. Пухов, Н.В. Емельянов), их ареальными и типологическими параллелями (И.В. Пухов, В.М. Гацак и др.), этническим институтом сказительства (В.В. Илларионов), особенностями проявления отдельных лингвистических категорий в текстах олонхо (П.А. Слепцов, Н.Н. Ефремов и др.). Продуктивным стало рассмотрение мифологических концептов, репрезентируемых эпическими сюжетами, в контексте других, в том числе несловесных (предметных, акциональных) текстов якутской культуры (Л.Л. Габышева, А.П. Решетникова и др.). В настоящее время плодо-

творно ведется изучение локальных (диалектных) особенностей олонхо (В.В. Илларионов, А.А. Кузьмина, Н.А. Оросина и др.), разработка вопросов, связанных с переводом и изданием имеющихся записей, этномузыковедческое осмысление традиции (Ю.И. Шейкин, Э.А. Алексеев и др.).

Заключение

Как можно видеть, исследование якутского эпоса и его поэтической системы имеет довольно обширную и последовательную традицию научного изучения. Во все времена оно сообщалось с более широким контекстом изучения фольклора в нашей стране, и связь эта чем далее, тем становилась интенсивнее. Показательными в свете этой коммуникации представляются подходы к трактовке сущности эпического жанра, применявшиеся к олонхо в разные периоды: от «сказки», «устной литературы» и «народной поэзии», «мечты народа в светлое будущее» до современных семиотических интерпретаций, трактующих эпос как «многослойный» текст культуры с интерференцией явных и менее очевидных смыслов, связанных с памятью традиции.

Специфика фольклористики в целом, как и некоторых других культуроведческих дисциплин, как кажется, состоит в том, что она не только описывает более или менее объективно предмет своего интереса, но и в известной мере формирует его для себя, вычлняя в разные исторические периоды различные фрагменты синкретичного целого традиции.

Литература

- Азадовский 1926 – *Азадовский М.К.* Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // Сибирская Живая старина. – 1926. – Вып. 2. – С. 33–62. {*M.K. Azadovsky.* Ways of ethnographic studies of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society // Siberian Living Antiquity. – 1926. – Issue 2. – PP. 33–62.}
- Башарина 2000 – *Башарина А.К.* Семантика цветообозначений в фольклорных текстах: Опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин: дис. ...канд. филол. н. – М., 2000. – 207 с. {*A.K. Basharina.* Semantics of color terms in folklore texts: Experience of comparative analysis based on the data of Yakut Olonkho and Russian Bylinas: PhD thesis in Philology. – Moscow, 2000. – 207 p.}
- Библиография 1982 – Библиография олонхо: методические разработки / отв. ред. Д.С. Макаров; сост. Т.С. Дьяконова. – Якутск, 1982. – 66 с. {Bibliography of Olonkho epic: methodical works / ex. ed.: D.S. Makarov; comp. T.S. Dyakonova. – Yakutsk, 1982. – 66 p.}
- Бурцев 1998 – *Бурцев Д.Т.* Якутский эпос олонхо как жанр / отв. ред. И.Г. Спиридонов. – Новосибирск: Наука, 1998. – 82 с. {*D.T. Burtsev.* Yakut epic Olonkho as a genre / ex. ed.: I.G. Spiridonov. – Novosibirsk: Nauka, 1998. – 82 p.}
- Васильев 1916 – *Васильев В.Н.* От собирателя // Образцы народной литературы якутов, записанные В.Н. Васильевым (Образцы народной литературы якутов, изданные под ред. Э.К. Пекарского). – Пг., 1916. – Ч. 3. – Вып. 1. – С. I–II. {*V. Vasiliev.* From the collector // Samples of Yakut folk literature, recorded by V.N. Vasiliev (Samples of the folk literature of the Yakuts, published under the editorship of E.K. Pekarsky). – Petrograd, 1916. – Part 3. – Issue 1. – PP. I–II.}
- Васильев 1965 – *Васильев Г.М.* Якутское стихосложение. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1965. – 126 с. {*G.M. Vasiliev.* Yakut poetry. – Yakutsk: Yakut Publishing House, 1965. – 126 p.}
- Виноградов 1926 – *Виноградов Г.С.* Этнографическое изучение ВСОИРГО: 75 лет ВСОИРГО, 1895–1926 // Известия ВСОИРГО. – 1926. – Т. 50. – С. 3–37. {*G.S. Vinogradov* Ethnographic

- study of the VSOIRGO: 75 years of the VSOIRGO, 1895–1926 // Bulletin of the Eastern-Siberian Department of the Imperial Russian Society. – 1926. – Vol. 50. – PP. 3–37.}
- Виташевский 1912 – *Виташевский Н.К.* К материалам о якутских сказках // Живая старина. – 1912. – Вып. 2–4. – С. 449–466. {*N.K. Vitashevsky.* To data on the Yakut fairy tales // Living Antiquity. – 1912. – Issue 2–4. – PP. 449–466.}
- Габышева 1988 – *Габышева Л.Л.* Функции числительных в мифопоэтическом тексте (на материале олонхо) // Язык – миф – культура народов Сибири: сб. науч. трудов. – Вып. 1. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 78–92. {*L.L. Gabysheva.* Functions of numerals in the mythopoetic text (based on olonkho) // Language – Myth – Culture of the Peoples of Siberia: a collection of scientific works. – Issue. 1. – Yakutsk: Publishing House of YSU, 1988. – PP. 78–92.}
- Габышева 2003 – *Габышева Л.Л.* Слово в мифопоэтической картине мира (на материале языка и культуры якутов) // Чтения по истории и теории культуры. – Вып. 38. – М.: РГГУ, 2003. – 187 с. {*L.L. Gabysheva.* The word in the mythopoetic picture of the world (based on the language and culture of the Yakuts) // Readings on the History and Theory of Culture. – Issue 38. – Moscow: RSUH, 2003. – 187 p.}
- Гацак 1989 – *Гацак В.М.* Устная эпическая традиция во времени. – М.: Наука, 1989. – 256 с. {*V.M. Gatsak.* Oral epic tradition in time. – Moscow: Nauka, 1989. – 256 p.}
- Дмитриев 1978 – *Дмитриев П.Н.* Эпические формулы в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока (материалы Всесоюзной конференции фольклористов). – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1978. – С. 118–120. {*P.N. Dmitriev.* Epic formulas in olonkho // Epic Creativity of the Peoples of Siberia and the Far East (Proceedings of the All-Union Conference of Folklorists). – Yakutsk: the Yakut Affiliate of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1978. – PP. 118–120.}
- Емельянов 1980 – Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с. {*N.V. Emelianov.* Plots of the Yakut olonkho. – Moscow: Nauka, 1980. – 375 p.}
- Избекова 2014 – *Избекова Е.И.* Числительные в олонхо: структура и семантика. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014 – 152 с. {*E.I. Izbekova.* Numerals in Olonkho: structure and semantics. – Yakutsk: Publishing House of North-Eastern Federal University. – 152 p.}
- Илларионов 1982 – *Илларионов В.В.* Искусство якутских олонхосутов. – Якутск: Як. кн. изд-во., 1982. – 132 с. {*V.V. Illarionov.* Art of the Yakut olonkhosuts. – Yakutsk: Yakut Publishing House, 1982. – 132 p.}
- Илларионова 2008 – *Илларионова Т.В.* Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох»: сравнительный анализ разновременных записей / отв. ред. Е.Н. Кузьмина. – Новосибирск: Наука, 2008. – 95 с. {*T.V. Illarionova.* Textology of the olonkho “The Mighty Er Sogotokh”: a comparative analysis of records from different times / Ex. ed.: E.N. Kuzmina. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 95 p.}
- Кудияров 2002 – *Кудияров А.В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 327 с. {*A.V. Kudiyarov.* Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia. – Moscow: IWS RAS, 2002. – 327 p.}
- Кузьмина 2005 – *Кузьмина Е.Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / отв. ред. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 1381 с. {*E.N. Kuzmina.* Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakasses, Shors, Yakuts). An experimental edition / ex. ed.: N.A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 1381 p.}
- Миддендорф 1878 – *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. – Ч. 2. – Отд. 6: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. Коренные жители Сибири. – СПб., 1873. – С. 571–833. {*A.T. Middendorf.* Journey to the North and East of Siberia. – Part 2. – Det. 6: The North and East of Siberia in Natural History. Indigenous people(s) of Siberia. – Saint Petersburg, 1873. – PP. 571–833.}
- Мухоплева, Павлова 2019 – *Мухоплева С.Д., Павлова Н.В.* Письма Г.В. Ксенофонтова академику Ю.М. Соколову (1934–1935) // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4. – № 4. – С. 336–361. – DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-336-361 {*S.D. Mukhopleva, N.V. Pavlova.* G.V. Ksenofontov’s letters to the academician Yu.M. Sokolov (1934–1935) // Studia Litterarum. – 2019. – Vol. 4. – No. 4. – PP. 336–361. – DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-336-361.}

- Пекарский 1934 – *Пекарский Э.К.* Якутская сказка // Сергею Федоровичу Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности: сб. статей. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 421–426. {*E.K. Pekarsky.* Yakut fairy tale // To Sergey Fedorovich Oldenburg: on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of Scientific and Social Activities: Collection of articles. – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1934. – PP. 421–426.}
- Пекарский 1958–1959 – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. – Т. 1 (выпуски 1–4). – 710 с. (1958 г.); Т. 2 (выпуски 5–9). – 648 с. (1959 г.); Т. 3 (выпуски 10–13). – 705 с. (1959 г.). Отпечатано фотомеханическим способом с 1-го издания: Санкт-Петербург–Петроград–Ленинград: Издание Академии Наук, 1907–1930 (в 13-ти выпусках). {*E.K. Pekarsky.* A dictionary of the Yakut language. – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958–1959. – Volume 1 (issues 1–4). – 710 p. (Year of edition: 1958); Volume 2 (issues 5–9). – 648 p. (Year of edition: 1959); Volume 3 (issues 10–13). – 705 p. (Year of edition: 1959). Printed as a photocopy (photomechanical print) of the 1st edition: Saint Petersburg–Petrograd–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences, 1907–1930 (in 13 issues).}
- Петрова 2019 – *Петрова Н.С.* Фольклористика в деревне, городе и Интернете: развитие понятия «фольклор» и предметные границы дисциплины // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2019. – № 1 (3). – С. 190–206. – DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-190-206 {*N.S. Petrova.* Folklore in the village, city and on the Internet: the development of the concept of “folklore” and the subject limits of the discipline. // Folklore: Structure, Typology, Semiotics. – 2019. – No. 1 (3). – PP. 190–206. – DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-190-206.}
- Пухов 1958 – *Пухов И.В.* Олонхо – народный героический эпос якутов // Вопросы изучения эпоса народов СССР. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 209–225. {*I.V. Pukhov.* Olonkho – the national heroic epic of the Yakuts // Questions of studying the epic of the peoples of the USSR. – Moscow: AN USSR publishing house, 1958. – PP. 209–225.}
- Пухов 1962 – *Пухов И.В.* Якутский героический эпос олонхо: основные образы. – М.: Изд. АН СССР, 1962. – 256 с. {*I.V. Pukhov.* Yakut heroic epic Olonkho: main characters. – Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. – 256 p.}
- Роббек 2014 – *Роббек Л.В.* Лексико-семантические особенности языка героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 138 с. {*L.V. Robbek.* Lexico-semantic features of the language of the heroic epic Olonkho. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 138 p.}
- Самойлович 1936 – *Самойлович А.Н.* Якутская старинная устная литература // Якутский фольклор [Тексты] / общ. ред. М.А. Сергеева. – М.: Сов. писатель, 1936. – С. 7–40. {*A.N. Samoylovich.* Yakut ancient oral literature // Yakut folklore [Texts] / ed. by: M.A. Sergeev. – Moscow: Soviet Writer, 1936. – PP. 7–40.}
- Серошевский 1991 – *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: РОСПЭН, 1993. – 713 с. {*V.L. Seroshevsky.* Yakuts. An attempt at ethnographic research. – Moscow: ROSSPEN, 1993. – 713 p.}
- Сидорова 2013 – *Сидорова М.Б.* Когнитивный аспект формульности в эпическом дискурсе: фреймовый подход: дис. ...канд. филол. н. – Иркутск, 2013. – 232 с. {*M.B. Sidorova.* Cognitive aspect of formulaicity in epic discourse: frame approach: PhD thesis in Philology. – Irkutsk, 2013. – 232 p.}
- Слепцов 1990 – *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 273 с. {*P.A. Sleptsov.* Yakut literary language: formation and development of national norms. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 273 p.}
- Филиппова 2000 – *Филиппова Н.И.* Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: дис. ...канд. филол. н. – Якутск: 2000. – 160 с. {*N.I. Filippova.* Proper names of characters in the Yakut epic Olonkho: structure and semantics: PhD thesis in Philology. – Yakutsk, 2000. – 160 p.}
- Худяков 1969 – *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 437 с. {*I.A. Khudyakov.* Brief description of the Verkhoyansk district. – Leningrad: Nauka, 1969. – 437 p.}
- Эргис 1947 – *Эргис Г.У.* Богатырский эпос якутов – олонхо // Нюргун Боотур Стремительный: якутское олонхо. – Якутск: ЯкГИЗ, 1947. – С. 5–60. {*G.U. Ergis.* Bogatyr epic of the Yakuts – Olonkho // Nyurgun Bootur the Swift: Yakut Olonkho. – Yakutsk: YakGIZ, 1947. – PP. 5–60.}
- Ястремский 1929 – *Ястремский С.В.* Народное творчество якутов // Образцы народной литературы якутов. – Л., 1929. – С. 1–10. {*S.V. Yastremsky.* Folk art of the Yakuts // Samples of Folk Literature of the Yakuts. – Leningrad, 1929. – PP. 1–10.}